

К СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ ИРАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследование посвящено выявлению ряда типологических аналогий в развитии семантики, особо сближающих иранские и славянские языки на фоне остальных индоевропейских. Выведенные с учетом методики сравнительно-исторического изучения языков схемы эволюции значения позволяют сделать некоторые выводы о характере и степени тесноты культурных контактов носителей иранской и славянской речи.

Ключевые слова: этимология, семантика, семасиология, лексика, дериват.

Дослідження присвячені виявленню ряду типологічних аналогій у розвитку семантики, що особливо зближують іранські та слов'янські мови на тлі решти індоевропейських. Виведені з урахуванням методики порівняльно-історичного вивчення мов схеми еволюції значення дозволяють зробити деякі висновки щодо характеру та ступеня близькості культурних контактів носіїв іранського та слов'янського мовлення.

Ключові слова: етимологія, семантика, семасіологія, лексика, дериват.

The research is dedicated to the detection of a number of typological analogies in the development of the semantics. These analogies bring together in particular Iranian and Slavonic languages in relation to other Indo-European languages. The schemes of the development of the meaning allow us to draw some conclusions about the character and degree of a close linkage of cultural contacts between native speakers of the Iranian and Slavonic speech. The schemes are deduced taking into account the method of the comparative-historic analysis of languages.

Key words: etymology, semantics, semasiology, lexis, derivative.

Стремительное развитие во второй половине XX в. сравнительно-исторического и историко-типологического исследования индоевропейских языков поставило перед исследователями ряд новых проблем, лишь в самом общем виде намеченных в работах классиков компаративистики. Одна из таких проблем – исследование историко-семасиологических схождений в лексико-семантических системах тех языков, чьи носители в разное время имели довольно тесные и относительно продолжительные культурные контакты. Работая в русле этой проблематики, нужно отдавать себе отчет в том, что тактической задачей является построение схем эволюции значения (особенно в ситуации этимологического тождества сравниваемых форм, использования функционально и генетически близких для обеих групп языков словообразовательных форматов) как способа описания общности семантических смещений в сравниваемых идиомах. Эти же схемы станут одновременно инструментом исследования. Дальнейшие поиски призваны ответить на вопросы: 1) когда можно говорить о формировании общих для сравниваемых языков инновационных принципов семантического соотношения в лексике социальной, религиозно-нравственной оценки человека, лексике коммуникации и некоторых других ЛСГ; 2) когда мы имеем дело с сохранением общей для них семантической архайки (праиндоевропейского наследия); 3) в каких случаях семантические аналогии обусловлены не генетическим родством языков или взаимодействием их носителей, а общей типологией в развитии языкового мышления.

Определенные шаги в указанном направлении были сделаны в работах М. М. Покровского (классические языки), Р. А. Будагова, Е. Г. Микиной (романские языки), В. И. Абаева, О. Н. Трубачева (общая семантическая типология языков), Д. И. Эдельман, А. Ф. Журавлева (ирано-славянские аналогии), В. В. Левицкого (германские, шире – индоевропейские языки). Объектом подобного сравнения в предлагаемом докладе стала сумма (словообразовательно-)семасиологических аналогий в иранских и славянских языках (рассмотрены те из них, что в перспективе смогут дать ответ на первые два из поставленных выше вопросов; для сравнения в этюде № 12 приведен пример ответа на третий). В частности, к таковым относим следующие:

1. Вторичность значений ‘молодой, юный’, ‘несовершеннолетний’ относительно ‘полный’. Ср. кл.-перс. *barnā/burnā*, тадж. *barnō*, дари *barnā* (совр. перс. *bornā*) ‘молодой, юный’ (ср.-перс. *aburnā* (ран. *apurnā*) (праиран. *a-*rnā*yu-, ср. авест. *a-pərənāyu-* ‘несовершеннолетний’ [6, с. 29], где *a- – нулевая ступень отрицания *an-, а основа *rpn- – прич. на -n- к **rel-* ‘лить’, ‘наполнять’, т. е. буквальное соответствие псл. **ryln* ‘полный’, которое в составе укр. adj. *неповнолітній* ‘несовершеннолетний’ показывает зависимость (в данном случае) значений ‘несовершеннолетие’, ‘юность’, ‘молодость’ от понятия полноты, наполненности.

2. Общность семантической схемы некоторых иран. и слав. именных сложений *tatruṣa* для обозначения человека, наделенного каким-либо благом, благодатью, первым компонентом которых выступают такие культовые термины, как осет. *farn, farnæ*, согд. *farn* etc. и слав. **bogъ*. Речь идет о композитах согд. **farnbērtāk* ‘носитель фарна’ ~ осет. *færnug* ‘наделенный фарном’, где *farn, farnæ* – общеиран. полурелигиозное понятие, включавшее в себя небесную благодать, благополучие, преуспевание, откуда знач. производных слов ‘преуспевающий’, ‘богатый’ и под. в осет., согд. и псл. **bogo-jьta* (восстанавливается на ономастическом материале, ср. укр. *Бегейма*, блр. *Базаіма* – ЛИ) со вторым компонентом ~ **jьm-* (праес. к **eti*). Псл. **bogojьta* – это не ‘имеющий бога’, а ‘имеющий счастье’, ‘наделенный изобилием’, т. к. препозитивное **bog-* употреблено тут со знач. ‘счастье’, ‘изобилие’, ср. выше согд. **farnbērtāk*, осет. *færnug*, а также семантику рефлексов производного прилаг. **bogatъ* ‘обильный’, ‘знатный, благородный’. Подробнее см.: [7, с. 100-101; тут же дана литература].

3. Аналогия в оформлении семантики некоторых производных от и.-е. названия имени, ср. ‘имя’ [→ *‘имеющий славное имя’] → ‘знаменитый, важный’: скиф., сарм. *nāma* ‘имя’ > *Nāmgēn* (Νάμγεος), осет. стар. *nām-*

gin, совр. *nomġun* 'именитый' [1: II, с. 187; 2, с. 296, 347], ср.-перс. *nām* 'имя' > *nām-ik* 'известный' [12, с. 32], фарси-кабули *nām* 'имя' > *nām-war* 'знаменитый' (+ суфф. *-war* со значением обладания качеством) [5, с. 28] при слав. **jъmę, -ene* 'имя' > **jъmen-itъ*: серб., хорв. *imēnit* 'знаменитый', рус. *именитый* 'знатный, важный' и др. [21: 8, с. 225, 227-228]. Общность семантической модели и этимологическое тождество производящей основы в упомянутых примерах подтверждаются функциональным подобием средств морфологического выражения знач. 'знаменитый, известный', 'важный, знатный': слав. суфф. *-it-*, судя по таким дериватам как рус. разг. и диал. *башковитый* 'сообразительный, умный' ~ разг. вульг. *башка* 'голова', *домовитый* 'хозяйственный (о человеке)' ~ *дом* и под., употреблен как формант со знач. наделенности качеством, как и в случае с иран. *-gen* (*-ġin, -ġyn*) [специально о нем см.: 10, с. 155; 4, с. 138-139], *-war, -ik*.

4. Сходность в соотношении значений 'живот, желудок' & 'сердце' в пределах одного слова: перс. *del* 'живот' и 'сердце' [3, с. 156, 624] ~ псл. **na tššee sьrdьce*, блр. диал. *нашчосэрыцэ* 'натощак' и др. [21: 21, с. 199] = 'на пустой (тощий) живот, желудок', ср. еще рус. диал. твер. *сэрдце* 'желудок', 1853 г. [14: 37, с. 190].

5. Общность модели производства слов со знач. 'счастье', которая заключается в сложении существительных для обозначения 'доли', 'порции' и прилагательных с семантикой 'приятный', 'хороший' в обеих языковых ветвях (обнаруживается также в др.-инд.). Ср., с одной стороны, руш., хуф. *хиšbaxti* 'счастье', *хиšbaxt* 'счастливый', членимые на *хиš* 'приятный', 'радостный, веселый' и *bax* 'доля, порция', *baxt* 'судьба, счастье' [16, с. 142, 289], а с другой – псл. **съ-čestъje* 'счастье', т. е. **съ-*, родственное др.-инд. *su-* 'хороший' + **čestъ* 'часть' [19: III, с. 816]. Ср. также авест. *hu-baya-* 'счастливый', др.-инд. *su-bhāga-* 'счастливый, очастливленный' («имеющий благую долю») ~ в.-луж. *zbože* 'счастье, благополучие' < **съ-božъ-je*, восходящие к единому и.-е. **su-bhago-* 'хорошая доля, участь' [19: II, с. 84-85; 22: 2, с. 247; 20: 3, с. 421].

6. Эволюционная модель значения 'не ведать' → 'невежественный'. Ср.-перс. *a-dān* 'невежественный' (*dān* – глаг. основа наст. вр. к *dānistan* 'знать' + каритивный преф. *a-* [12, с. 35]) при рус. *не-вэжественный*, укр. диал. *невѣжскій* 'незнающий' [22: 1, с. 390] ~ *ведать, вѣдати* 'знать'. Кажущаяся очевидной и даже прогнозируемой для многих языков, эта модель построения семантики при ближайшем рассмотрении оказывается «востребованной» только иранским и славянским. В языках других групп и.-е. семьи, насколько позволяет судить известный сегодня материал, мы имеем обозначения невежи, невежественного человека, образованные от прилагательных и причастий (и не только), этимологически не родственных глагольной лексике со значениями 'знать', 'ведать', ср.: нем. *wissen* 'знать', 'уметь', *können* 'мочь', 'уметь', но *Flegel* 'невежа', где эта семантика метафорически вторична к 'цеп'; англ. *know* 'знать', но *ignorant* 'невежественный', 'несведущий', *ignoramus* 'невежда' (интересно, что в английском эти значения, видимо, инновационные, т. к. в самой латыни, окуда заимствованы англ. слова, прослеживается только соотношение *ignāre* 'не знать', 'быть в неведении' ~ *ignōrāntia* 'незнание', 'несведение', 'неопытность', но ожидаемого 'невежда', 'невежа', кажется, нет). Зачастую семантика 'невежда, невежа' развивалась в лексемах для обозначения дикого, грубого, «неотесанного» или просто неопытного (знающего, но еще не выработавшего необходимый навык) человека, ср., напр.: лат. *rudis* 'необработанный, неотделанный', 'невозделанный', 'грубый', 'неискусный' и вторичные 'неученый', 'невежественный', *in-cultus* 'невозделанный', 'необработанный', 'дикий', 'грубый' и 'необразованный' (типологически близкая ситуация наблюдается в укр. разг. *неомѣца* 'неуклюжий', 'несообразительный' ~ *теcāmи*, *im-perītus* 'неопытный, несведущий' и 'невежественный' < *perītus* 'опытный', 'знающий' < *perītī* 'испытать', 'изведать' и т. п. Т. е., как можно видеть, наличие морфологически выраженного отрицания в этих примерах, в отличие от иран. и слав. форм, не обязательно, более того – собственно отрицание в них касается не интеллектуального, а любого иного признака, не всегда свойственного именно человеку, что лишний раз говорит о вторичности употребления таких каритивных форм для характеристики интеллектуальных свойств человека.

7. Модель развития семантики 'мести' → 'воровать', 'красть': ягноб. *rant-* 'мести, подметать, вытирать', в секретном языке – 'воровать' [23, с. 312] ~ рус. разг., жарг. *подмести* 'взять чужое', 'украсть'.

8. Модель 'чистый' → 'целиком': ягноб. *sof* (из тадж.) 'чистый, прозрачный' и 'совсем, целиком, только' [23, с. 323] ~ др.-рус., рус.-ц.-слав. *цѣлый* 'здравый, ясный, светлый (о рассудке)', 'чистый, непорочный', 'чистый, без примеси' и 'целый, весь' [21: 3, с. 180].

9. Модель 'губить' → 'терять': ягноб. *pēnāyš-, pīnāyš-* 'терять', согд. *pn'yš-, pnyš-* < **apa-nāsayā-* при согд. *nyš-* 'губить', 'уничтожать' < **nāsayā-* [23, с. 305], ср. аналогичное соотношение семантики беспрефиксного и префиксального глаголов в славянском: рус. *губить* 'уничтожать' и диал. курск., орл., ворон. *загубить* 'потерять, затерять что-либо', 1848 г. [14: 10, с. 33], укр. *загубити* 'то же'.

10. Модель 'не имеющий подобия' → 'безобразный': руш., хуф. *bizīb* 'некрасивый, дурной, безобразный', членимое на *bī-, bi-* (именной отрицательный преф.) и *zīb ~ zīb* 'подобать, приличествовать' (в сочетании с *zīb dēdōw*) [16, с. 143, 146, 300], т. е. буквально – 'не имеющий подобия, лица, образа' ~ др.-рус. безобразны = (без образа) 'не имеющий образа' [17: I, с. 62], серб./хорв. *безобличан* 'бесформенный' < *облик* 'форма', 'облик, вид'.

11. Случаи развития значения 'бить, ударять' у этимологически идентичных глаголов с исконной семантикой 'дать, давать': руш., хуф. *ḍād* : *ḍūd* 'давать' и 'бить' (*māš-gi ūm dā* 'дай ее нам' и *di ḍūd-i way, yā wēxt* 'он как ударил его, – тот и упал') [16, с. 173], шугн. *ḍād-* : *ḍōd* 'давать, дарить, отдавать', а также 'ударять, бить; вонзать, втыкать', сар. *do-, dau-* : *ḍud* 'давать, бить, ударять' [20: 2, с. 434-435] и рус. диал. арх. *дать руки* 'ударить рукой', *давать локти* 'бить локтями в спину мальчика, отказывающегося от игры' [14: 7, с. 256], также в разг. выражениях *дать в ухо/по уху, дать в лоб (глаз и др.)*, укр. *давати* 'бить, ударять' («Як дав ногами в дно у бочку, – воно так і вискочило, і горілка витекла») [15: 1, с. 354]. В иранском вторичное значение отмечено только для языков памирского ареала, и для него предлагается объяснение как результата контаминации **dā-* 'давать' и **dā-* 'бить, ударять' [20: 2, с. 434-435], что вряд ли приемлемо для славянских примеров ввиду отсутствия в праславянском особого **dati* 'бить'. Помимо того, праиран. **dā-* 'бить, ударять; гнать; бросать; падать', видимо, само является семантическим ответвлением **dā-* 'давать' [20: 2, с. 441: **dā-*], возникшим в разных контекстах (ср. выше рус. и укр.), где обыгрывались ситуации с сообщением, передачей действия, а не предмета.

12. Употребление глаголов со знач. 'вертеть, поворачивать' в качестве *verbum dicendi* при ашелляции: руш., хуф. *gardēn* : *gardēnt* 'поворачивать, опрокидывать, превращать' – кауз. к *gārd* : *gāxt* 'превращаться' и 'обращаться'

(ср. руш. *pidōgi sbr tar xu ŋan gāx̄c* 'однажды муж обратился к своей жене') [16, с. 179] ~ рус. *обращаться* 'поворачиваться' и 'апеллировать', *звертаться* 'обращаться к кому-то' ~ *вертится* 'вертеться'. Такое же смешение в семантике наблюдается в языках романской группы, где отмечен, напр., итал. глагол *rivolgersi* 'поворачивать назад' и 'обращаться' – обратн. от *rivolgere* 'поворачивать вновь; крутить; направлять; обдумывать' (из лат. *volvĕre* 'катить; крутить, поворачивать' + преф. повторного действия *re-*; подробнее о развитии знач. 'обращаться' в романских глаголах действия после присоединения к ним приставок *ad-* и *re-* см.: [9, с. 165-172]). Однако при общем для приведенных лексем смысловом развитии 'вертеть, поворачивать' → 'обращаться' заметна разница в характере порождения и оформления новой семантики: если в иранском ее развил элементарный (корневой) глагол, то в славянском и романском новое значение возникло в префиксальных глаголах. Т. е. в последних двух появление 'обращаться' напрямую зависело от присоединения к слову специального форматива (рус. *об-*, укр. *з-*, итал. *ri-*), вносящего, помимо прочего, новый компонент в смысловую структуру.

13. Модель 'без дела' → 'беспольный': фарси-кабули *nākār* 'беспольный' – сложение *kār* 'дело' с преф. *nā-* со знач. отсутствия качества [5, с. 29] ~ рус. петерб., калуж. (нач. XX в.) *бездѣль* 'что-либо, не имеющее ценности, значения', 'пустяк, мелочь, безделица' [14: 2, с. 186] ~ *дело*.

14. Модель 'демон' → 'обезумевший': вахан. *liv, liv* 'дэв', 'демон' и вторичное 'обезумевший' [18, с. 225-226], имеющее аналогичку в рус. *бес* – название мифологического персонажа, ставшее начальным звеном словообразовательной цепочки, в конце которой стоит устар. прилаг. *бесноватый* 'душевнобольной, обезумевший, мучимый бесом'.

15. Модель 'просить', 'просьба' → 'сватать', 'сватовство': дари диал. (гер.) *ozorvāni* 'сватовство' < *ozor* 'просьба' + суфф. *-vān-* [8, с. 51] ~ серб., хорв. *прѡсидба* 'сватовство, сватание' < *прѡсити* 'свататься' и диал. 'просить' [13, с. 767], ср. еще рус. диал. *запросить невесту* 'начать сватать невесту', 'уплатить денежный выкуп за невесту' [14: 10, с. 359]. Из других языков как типологическая аналогия обращает на себя внимание лат. глагол *petere* 'просить', 'требовать', который приобрел семантику 'свататься' в составе юридических формул «*alqam expetere*», «*alcis matrimonium petere*», «*petere sibi filiam alcis*» [11, с. 332]. Однако собственно речевое значение в нем не изначальное, а всего лишь результат перен. употребления семем физического действия 'стараться', 'стремиться', 'добиваться', 'искать', 'домогаться' (ср. рус. *добиваться правды, искать правды* → *требовать правды*), потому эта аналогия остается весьма отдаленной и частичной.

Предложенные выше семасиологические этюды не исчерпывают названной проблематики, они лишь частично заполняют в ней пробелы, давая ответы на частные вопросы. Сепаратность рассмотренных схем семантических смещений, не имеющих, насколько можно судить сейчас, прямых аналогий за пределами славянского и иранского лексиконов, в перспективе также потребует проверки, что влечет за собой необходимость дальнейшей работы в этом направлении.

Источники и литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1958-1989. – Т. I-IV.
2. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия / В. И. Абаев // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С. 272-364.
3. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь / Г. А. Восканян. – М.: Рус. язык, 1986. – 830 с.
4. Грамматика осетинского языка / [под ред. проф. Г. С. Ахвледиани]. – Орджоникидзе: НИИ Северо-Осет. АССР, 1963. – Т. I: Фонетика и морфология. – 368 с.
5. Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули / Л. Н. Дорофеева. – М.: Изд-во вост. литературы, 1960. – 83 с.
6. Ефимов В. А. Персидский, таджикский, дари / В. А. Ефимов, В. С. Расторгуева, Е. Н. Шарова // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. – М.: Наука, 1982. – С. 5-230.
7. Илиади А. И. Славянские этимологии. 33-37 / А. И. Илиади // *Studia linguistica et juridica*. – Кировоград, 2010. – С. 98-104.
8. Иоаннесян Ю. А. Гератский диалект языка дари современного Афганистана / Ю. А. Иоаннесян. – М.: Вост. литература, 1999. – 239 с.
9. Мікіна О. Г. Историко-семасіологічне дослідження латинських і романських дієслів мовлення на індоєвропейському фоні / О. Г. Мікіна – Донецьк: Юго-Восток, 2012. – 450 с.
10. Миллер В. Ф. Язык осетин / В. Ф. Миллер / Пер. с нем. М. И. Исаева; ред., предисл. и прим. В. И. Абаева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 190 с.
11. Мусселиус В. Русско-латинский словарь / В. Мусселиус. – СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1891. – 424 с.
12. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с.
13. Сербско-хорватско-русский словарь / [сост. И. И. Толстой]. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 1168 с.
14. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2011. – Вып. 1-44.
15. Словарь української мови / [упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко]. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958. – Т. 1. – 495 с.
16. Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и словарь / В. С. Соколова / Отв. ред. И. И. Зарубин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 334 с.
17. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М.: Книга, 1989. – Т. I. – 1420 с.
18. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка / И. М. Стеблин-Каменский. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 1999. – 480 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IV.
20. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Вост. литература, 2000-2011. – Т. I-4.
21. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. – М.: Наука, 1974-2012. – Вып. 1-38.
22. Етимологічний словник української мови / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К.: Наук. думка, 1982-2012. – Т. 1-6.
23. Ягнобско-русский словарь, сост. М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик // Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 217-391.